

18+

Ольга Сеним

Дом
с Луною

рассказы

Ольга Сеним

Дом с Луною. Рассказы

«Издательские решения»

Сеним О.

Дом с Луною. Рассказы / О. Сеним — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-514199-6

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Эта
книга — сборник рассказов, сложенный из постов, опубликованных автором
в социальной сети ФБ в период с 2013 по 2020 годы. Посты были доработаны
и дополнены. И мне бы хотелось, чтобы моя личная история жизни,
приоткрытая в этой книге, оказалась полезной хотя бы одному живущему. В
этом и есть её смысл. Сеним О. В.

ISBN 978-5-00-514199-6

© Сеним О.
© Издательские решения

Содержание

Дом с Луною	6
Океан в ладонях	8
Сорок минут у меня был пёс	9
О том, как мою маму волк не съел	10
Мама, цыгане и халтура	12
Мама никогда не опаздывает	13
Небо младшего брата	14
Сестра, Машка и три котёнка	16
Посылки из прошлого	18
Собака	19
Краешек смерти	20
Дорога к маме	21
Золотые рыбки	23
Мама и слова	25
Мама и старый солдат	26
Понты периода СССР	28
Мамина любовь	29
Оленевод	31
Испанка	32
Жестокость. Следы	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Дом с Луною Рассказы

Ольга Сеним

Я посвящаю эту книгу своей семье

Редактор Анна Книженцева

© Ольга Сеним, 2020

ISBN 978-5-0051-4199-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Слова благодарности редактору текста этой книги.

Уважаемая Анна, склоняюсь перед Вашим знанием языка, правил устной и письменной речи и Вашим кругозором. Ваш профессионализм которую книгу подряд правит мой бушующий хаос, едва удерживаемый физическим носителем. Предположу, что Вам было со мною не менее сложно, чем мне с Вами.

Вы будете смеяться, но около месяца ушло только на то, чтобы признать – да, у людей и правда Солнце пишется с малой буквы. И мне это было действительно сложно – исправлять ТАКОЕ.

Хочу признаться: далеко не все выражения, не принятые в обиходе, я убрала из своей рукописи. Вряд ли мне достичь широкого признания, а потому пусть моя книга звучит на том языке, что плещет рекою из бесконечного сияющего, того, что никак не удержать в себе.

Дом с Луною

Люблю свой дом. Я шла всю жизнь именно к этому стойкому внутреннему ощущению: чтобы был мой дом с соснами за окном, вековыми и торжественными, и видятся они лишь макушками зачарованных крон сквозь кисею занавесок; с полной Луною, Орионом и Плеядами по ночам; с летними радугами после дождя вечерами – словно сияющими мостами в полнеба. Со всеми возможными закатами и рассветами, не повторяющимися ни разу. Заход солнца – и стоишь в потоках у окна, малый и благодарный, растворяясь в жизни, мире и во всей отпущенной свыше и льющейся на тебя красоте.

Сахалин. С самого дня отъезда, когда, подговорив брата, трёхлетняя я устроила бунт с требованием развернуть самолёт, и ничего, конечно, не вышло, мне стал жизненно необходимым *очаг*. Самолёт тогда успокоил нас большой тележкой игрушек: «На, выбирай!» – отвлék и унёс отсюда, где берег и прибой, где хорошо. И мой первый дом навсегда остался в далёком невозвратном, освещённый тихо и радостно: деревянные доски пола, балкон с выходом на солнце – шуришься и доверяешь – всему, щербатая ступенька в подъезде. Двор, казавшийся тогда огромным и полным чудес.

Жизнь от дома номер один до моего сегодняшнего, на горе, я считаю временем дорог и бесприютности: дома-жилья не ощущалось, но память держала крепко необходимый лично мне миропорядок и помогала выстаивать из того, что случалось в наличии то, чему положено быть по природе вещей.

В очередное жилище я приносила с собою белый цвет – как можно больше. Ставила на окно цветок, за которым надо ухаживать. Отыскивала взглядом за окном, хотя бы вдали, сосны и любовалась ими. Старалась смотреть на восток. Расставляла на подоконнике прозрачные камни, а уж они ловили для меня солнечный свет, пока я бродила где-то, и разбрасывали его по стенам и потолку.

Сначала я нашла *место* в этом новом для себя городе, казалось, транзитном и случившемся ненадолго, и стала гулять там – по узким тропинкам и выступающим из земли валунам. Прошло время, родились дети, и я привела их, конечно, с собою на полюбившиеся за несколько лет поляны. Мои дети кувыркались в сухой осенней траве меж сосен или срывали сочную чернику губами. Место оказалось для нас настолько хорошим, что мы неизменно во время прогулок оказывались там. И однажды – в свой срок – на этих полянах начали строить дом. Кирпичный, десятиэтажный. Нашлись, что невероятно, деньги, сложились обстоятельства. Дом сам шёл к нам, и мы заслужили друг друга, потому что... То есть так думается, что заслужили: мне пришлось к моменту встречи с *моим домом* выгореть до дна, пройти полный круг обновлений, изменить самую свою суть и даже преобразиться внешне.

Сейчас, набирая эти строки, я, как и прежде, чувствую под собою гулкую глубинную скалу, в которую встроены фундамент, три его уровня – какие-то кварцевые жилы земли, на этой скале и высится мой дом. В окна бьёт столько лет любимый ветер, особенный ветер большой высоты. Сосны каждой своей столетней ветвью, верхушками, зеленью хвои, красными с жёлтым стволами поют мне желанное с рождения, а за ними – бескрайний горизонт.

Однажды, я знаю, появится дом номер три, моё последнее за эту жизнь настоящее жилище. Это случится, когда я почувствую тягу выпорхнуть из моего нынешнего гнезда, полного воздушной музыки и торжества небесного законного света. Мой третий дом будет тих,

невысок, зелёная крыша летом будет пестра от цветов. Лес за окнами даст согласие на соседство, а я дам согласие ему – мы будем наносить друг другу визиты. Именно там я найду то, что неустанно звало, что утешало меня в годы безнадёжности и давало силы жить, когда было совсем темно или стыло.

Отыщу ответы, завершу все дела, провожу того, кто дан мне из жизни в жизнь парой, исполню порученное им, поставив точку на нашем с ним здесь пребывании. И тогда, распахнув крылья, я наконец-то полечу на восток.

Океан в ладонях

Будучи маленькой, я играла в Великана.

С самого раннего разумного возраста, в котором в подробностях разглядываются разводы бензина в лужах после дождя, трещинки в ступенях родного дома, когда любая кочка и вздувшийся асфальт – причина тысячи вопросов, я точно знала: там – не трава у ног, нет, это джунгли – огромные, высокие и сырые тропические леса. Аккуратно вышагивала в них, бережно, не тревожа множественную жизнь, ступала по руслам рек, потом мой путь пролегал над горами, конечно, самыми высокими на свете, и я шла, держа голову выше облаков. Океаны были по колено, они спорили ураганами и штормами, а позже мне полюбили слово *цунами*. Я усмиряла их всех, принося покой на бесчисленность островов и материков.

Мир менялся.

Где-то в одиннадцать, рассматривая планету-под-ногами, само собою пришло понимание дискретности разума. Так и назвала: дис-крет-ность. Тогда я поставила уже себя малой частицей на огромнейшую Землю и попыталась ощутить её тягу. Подняла голову и увидела синий купол. Что для него мои дни? Месяцы? Соразмерность взмаху чьих-то ресниц. Но удивительно: именно изнутри, пребывая малой частью, лишь так получилось ощутить пульс большого сердца планеты, услышать его и понять, а потом оглянуться вокруг и произнести шёпотом:

– Да, мир поёт на все голоса миллионами частот, но это, похоже, единая песня?

Очень, очень красивая. Ни прибавить к ней, ни отнять. И хочется... Как же подобрать слова? Хочется резонировать самой малой долей погрешности, вот что. Эта *Песня* свивает дороги в события, фантазии приводит к исполнению, а каждое слово наполняет вселенской значимостью и силой.

Ещё приходит вот это: нет одиночества, бессилия, и даже смерти нет. Незачем тогда спешить и нечего делить. Бессмысленно бояться.

Потом идёшь и завариваешь чай, подаёшь его любимому своему океаном в ладонях, проносишь «горячий, как ты любишь», рассыпью звёзд задавая смыслы. И, заглянув в его глаза цвета тёмного мёда, кажется, ухватываешь краешек значения слова *Бог*.

Сорок минут у меня был пёс

Утро, иду на работу. Безлюдно, выходной день. Впереди по тропинке шествует с хозяином принцессой девочка-шпиц на поводке, ухоженная и спокойная, а в отдалении от них – пёс, большой, со свалявшейся шерстью, во внешности которого можно угадать с десяток родовых предков, а значит, совершеннейшую безродность, ошейника нет.

– Всё, уйди! Пошёл... – это хозяин-мальчик отгоняет бродягу от своего шпиц-сокро-вища. А тот и не подходит, всё понимает, только смотрит печально вслед.

– Что, друг, не судьба?

Сказала и пошла дальше. Дорога занимает сорок минут, это правило такое – ходить пешком. Люблю этот путь: он в основном безлюден, я иду вдоль лип, сосен, сирени и яблонь, и в любой из сезонов мои тропинки очаровательны, каждый месяц имеет свой аромат, настроение и цвет. Часто я встречаю одних и тех же, и мы здороваемся. За эти сорок минут я успеваю принять важное решение, если это нужно, да и просто войти в настроение, необходимое там, где я работаю.

А пёс, как оказалось, увязался следом, слышу – идёт рядом, дышит. Аккуратно прихватил зубами за кисть, не страшно совсем, и я потрепала его по голове. Разговорились.

Отличный парень оказался, хороший. То вперёд забежит, то под деревья, потом оглянется и снова рядом, у руки. Я ему примерно: давай иди, не могу тебя взять, у меня дома кошки разной степени инвалидности. Одна без лапы, другая – психическая, но под наблюдением, и есть прогресс... Говорили много, больше я, а он слушал внимательно и иногда глубокими вздохами поддерживал тему или вновь тихонько брал в зубы мою ладонь.

На другой стороне дороги, у строящейся церкви, это ещё через десять минут, залаяли собаки. Пёс оживился, вскинул уши, потянулся, даже сделал несколько шагов туда, где так интересно, но поразмыслил и не пошёл. У него ж хозяйка теперь есть, никак не может, при делах.

Так и шли, тихо переговариваясь. И я очень надеялась, что кто-то из встречных прохожих узнает его и позовёт, что есть у него хозяин, пусть нерадивый. И что дом тоже имеется. Чертовски приятно, кстати, идти вот так с огромным собаком, который твой собственный, преданный и внимательный. Я даже начала подумывать, а вдруг он меня у клиники вечером дождётся, что делать? И как кошки его воспримут? Сколько он ест? И что именно?

Последний перекрёсток, до работы минут пять.

– Всё, гуляй. Понимаешь? Иди погуляй. Пожалуйста.

Наверное, «погуляй» было слово известное. А, может, надоело собачьему парню мне принадлежать, но пёс развернулся и молча ушёл в сосновую поросль на обочине.

Больше я его не видела.

Всё-таки пускай у него будет дом, и хозяин тоже, простой, добрый хозяин, и чтобы лежать этому псу у порога, всеми старыми жилами перебирая прожитые года, щурясь на тёплое солнце. Лежать и охранять одним своим присутствием того, кто не обидит никогда, нальёт в миску густой каши с мясом и запустит под крышу, когда идёт дождь или случается сильный мороз.

Да, пусть будет именно так.

О том, как мою маму волк не съел

Однажды зимой моя мама, тогда ещё первоклашка, возвращалась домой из школы...

Эта история – одна из её любимых: мама рассказывает о волке, тьме и себе маленькой так часто, насколько это вообще возможно. Когда мои дети слышали повествование в первый раз, я засмотрелась: вот мама, выразительный сказитель, расхаживает. Жесты, мимика – всё это увлекает слушателя, даже подготовленного, стирает реальность, и ты уже сам ёжишься от холода и бредёшь куда-то сквозь начинающуюся метель. И дети, маленькие, доверчивые, захваченные сюжетом, рот приоткрыт, стараются не мигать, не шевелиться, ловят каждое движение – они уже *там*.

Её учёба началась на год позже, чем у сверстников, и причин тому было несколько. Левойручность – но это скорее повод. Учителя не приняли, настоятельно попросили исправиться и научиться писать правой, срок дали год. Второй причиной оказалась размерность, точнее сказать – малость.

– Зина, глянь...

Учитель роста огромного, не взят на войну из-за хромоты. Встаёт сапогом на первый выпавший снег.

– А теперь ты...

Мама ставит рядом босую ногу.

– Вот видишь, – говорит учитель в бороду и улыбается, – какая ножка у тебя ещё маленькая. Как ты в школу ходить будешь? Подрасти немного.

Подарил тетрадку в линейку, карандаш («Учись писать правой!») и отправил обратно.

Их дом находился от школы в десяти километрах. Одно из множества селений, разбросанных по берегу Ижмы. Путь пролегал через густой лес, болота, раскисавшие с приходом тепла и застывавшие к октябрю. Надо было перебираться через ручьи и реку – зимой попроще, а с весны на реке устанавливали понтонный мост.

Эту дорогу мама, как правило, преодолевала одна. Было ещё несколько детей, но они то ленились, то болели и часто оставались дома.

Подъём рано, ещё темно. Голод – время такое, война, 45-й год, продукты по трудовой карточке матери. Та, что на стройке, и возвращается домой на выходные. Холод – чтобы не замарать обувь и прийти в школу в чистом, на болотах и распутье мама свои ботиночки снимала. В любую погоду с книжками в сумке. Ещё она брала с собою какую-нибудь игрушку и трещотку, что сделал брат. Трещотка – это музыка, с ней тоже можно коротать долгий путь.

Итак, мама возвращается из школы. Зима на Севере начинается рано: снег ложится уже в октябре, и холода не отпускают землю до мая. Идёт, темно. Видит: впереди по тропинке два огонька приближаются. Подумала сначала, что брат приехал наконец-то и вышел встречать с фонариком. Но подойдя ближе, поняла, что нет, не брат – волк. Огромный, одиночка, хотя, я думаю, для маленького ребёнка любой волк должен казаться большим.

Вопрос: что делать?

Волк остановился и ждёт.

Достала трещотку, запела какую-то победную песню (как раз стали проводить радио по деревням, так что жизнеутверждающих песен было достаточно), трещотку вращает и вперёд, по тропинке, к волку. Потому что надо домой.

То ли божий промысел, то ли волк был не в том настроении, но он свернул и ушёл в темноту леса, когда меж ними оставалось метров пять. Дальше мама пошла уже под свой аккомпанемент, а ближе к дому её встречали родные – брат Серафим всё-таки приехал. Потом взрослые ходили, смотрели: судя по следам, и правда матёрый волк.

Жуткое, жестокое время. Жизнь как свеча на ледяном ветру.

Мама, цыгане и халтура

Как-то за мамой увязались цыгане: на железнодорожном вокзале пристал табор из нескольких говорливых женщин и чумазных малышей. Мама ускорила шаг, но обступили, галдят, пёстро, шумно, она в туалет, но даже в кабинке оказались все вместе – в общем, попала.

Мама боится цыган. Так отразилось воспоминание из глубокого детства, когда они вошли в её родительский дом. Взрослых никого, только она и старшая сестра лет девяти. Цыгане обчистили всё: кидали в свои мешки тряпки, посуду, намерились и её взять с собою, но мама от страха спустила под себя, испачкалась, ревёт, так что побрезговали и, выругавшись, бросили обратно в кроватку.

И вот вокзал. Туалет. Маме примерно двадцать. Онаскармливает цыганятам леденцы, прижатая в угол, и ведёт вполне светскую, насколько позволяет обстановка, беседу. Цыганки уже смекнули, что денег и правда у этой девочки нет, поэтому, чтобы не терять времени, гадают за просто так. Сказали, что проживёт долго – до 72-х, и дали совет беречься чёрных людей.

Прошло время. Сколько помню, мама нет-нет да вспомнит про означенный рубеж, используя его в каких-то своих уловках как рычаг давления. Ближе к означенному дню мы и сами стали потихоньку переживать.

Но проскочила дата, и ничего не случилось. А у мамы, понимаете как, с тридцати лет всё готово: фотография красивая, в рамке, и платье, которое, правда, приходилось периодически менять на другой размер и фасон.

Что ж, не сложилось, так не сложилось. И на 73-м году жизни мама с подружками, такими же, как она, уехали в Иерусалим по путёвке, тур с религиозной тематикой, предварительно взяв отпуск на своих работах. Через год в Италию. А дальше Греция, снова Израиль и Египет. Всё по святым местам.

Как-то к маме на врачебный приём вне очереди ввалился цыганский табор. Привычно шумно, пёстро, чумазные дети, яркие женщины, и с порога:

– Бриллиантовая, скажи, кто будет? Озолотим!

Выводят в центр молодую беременную.

Мама – дермато-венеролог. Беременной цыганке :

– Так, ложитесь, – жест в сторону кушетки.

Надевает перчатки, лицо с выражением торжественной важности, заводит руку под подол, серьёзно гладит её в области промежности.

– Мальчик! Парня родит!

В ответ пророчества о долгой жизни, богатстве.

По-моему, она сравняла счёт.

Мама никогда не опаздывает

– Ты знаешь, я за всю жизнь на работу опоздала лишь раз.

Её поколение – исполины. Мне кажется, наша задача замирать рядом, позволив говорить, и ловить каждое слово как золотую меру, всё принимать благодарно, а потом уже свою долгую-долгую жизнь распутывать эти загадки, приближаясь к тайнам силы и мощи, чтобы передать следующим за нами связующую нить смыслов.

– В школе, в шестом классе. Я же говорила, до школы идти десять километров через лес и топи, по мосточкам.

Маленькая девочка и Лес.

– Как раз весна пришла. Всё интересно, я же ребёнок ещё. Там лисьи следы, тут зайчик пробежал. Отвлёклась, вот и опоздала.

Мама – рассказчик. Слушать её можно бесконечно, иногда особо удачные места она может прокручивать несколько дней подряд, дополняя мимикой и жестами, а случается, что и новыми деталями. Изменчивости рассказа никто не против. Это очень интересно – слушать мою маму.

– Вхожу в класс, а учитель мне, он у нас инвалид был, без ноги, потому на войну и не ходил, так он мне и говорит: «Что, опоздала? Вот и стой теперь у доски!» А я гляжу на класс: все хмурые, голову опустили, пишут, никто даже не подмигнёт. Ну, думаю, что ж... придётся их развеселить... И стала за спиной учителя его движения копировать. Смотрю на ребят – ещё больше головы склонили, не улыбнутся даже. Странно... Тогда я начала крутить ему «мотор». Что только ни делала, но рассмешить их мне не удалось. А там и урок закончился.

Мама делает паузу. Она заполняет её глотком чая, а потом продолжает:

– А что мои одноклассники такие смирные были – оказалось, на задних партах комиссия из области сидела! Урок-то закончился, они меня сразу в учительскую: «Говори, почему опоздала? Почему на уроке хулиганишь?» Понимают всё, самим же тоже смешно, но строгость изображают. Рассказала им и про зайчиков, и про ручейки с корабликами. «Пообещай, что опаздывать больше не будешь!». А я: «Обещаю!». Вот с тех пор никогда, слышите? Никогда не опоздала ни в школу – какая бы непогода ни была, всегда вовремя, ни в институт, хотя до учёбы ещё успевала спозаранку поработать. Вот так.

Небо младшего брата

– Я до сих пор не решила, может, тогда нужно было сделать аборт?.. Думала, а вдруг хороший будет человек? И не стала...

Мама всё ещё сомневается. Сыну перевалило за сорок, а она по-прежнему стоит на том перекрёстке, который даётся женщинам, наверное, самым лукавым, и делает выбор, жить нам или нет.

Мы с братом пришли в мир один за другим. Сначала я – неудача, отец хотел сына. Потом, через год и пять месяцев – он. И если у меня с рождения были доспехи и свои понятия о выживаемости, братик панциря не имел. Зато так чувствовал этот мир, что, наверное, даже мимо-лётная кривая мысль прохожего могла оставить на нём кровавый рубец. Одарен он был щедро: голос и слух, чувство цвета и точность руки, рассудочность и логика, острота видения, память – необыкновенная цепкая память и физическая красота. Ему не повезло с нами.

Развод родителей был некрасив, ужасен, их война перешла в десятилетия ненависти, ругани и интриг. Оба использовали нас мишенями и щитами. Я выжила, брат – нет.

– Твой отец не лётчик! Не лётчик! – мама кричала горько, ударяя словами как ножом. Адресованы крики были в сердце бывшему мужу, конечно, но была она по нам, мы ближе.

Братику тогда было около четырёх, он, как и я, любил обоих. Мне, например, очень нравилось лазить по отцу как по скале – большой любящей скале силы, перебирать маленькими пальчиками кокарду, лётные погоны, любоваться формой. Я даже не услышала этих маминых слов, а братик их заглотил.

– Вот тогда у меня и случился невроз...

Он признавался мне в этом через много-много лет, и мне в тот момент хотелось плакать. Его мир за несколько минут маминого крика перевернулся. Андрей начал заикаться и ушёл в себя. Родители, погружённые в войну, не заметили беды, мне было не того, сама выживала, старшие брат и сестра, также ошалевшие от нескончаемой вражды, переживавшие свою трагедию, не могли помочь ничем.

Каждый следующий день его жизни загонял во тьму всё глубже, не позволяя встать, поднять голову, сказать ясное слово, распахнуть сердце. Жизнь была ногами, а защиты не было.

Странного умного мальчика призвали в армию, и что было там, точно никто уже не скажет. Знаю только, что его логика, наработанная за всю сознательную жизнь, вошла в противоречие с реальностью. Брат был травмирован где-то в дедовской драке и из армии самовольно ушёл.

Погоня настигла его, конечно. Арестовали уже в доме матери, почти сразу как он добрался до квартиры. Допрос, комиссии, издевательства. Психиатр, молодой врач, зацепился за слово «бесы». Психиатрическая клиника, шоковая терапия.

Мама хватилась, но поздно. Выкрала его, уведя по коридорам психушки через запасные выходы, и приняла обратно в свой дом несчастное дитя, бедам которого сама же и была причиной.

С тех пор прошло много лет. Всё меняется, беды уходят, зарастают травой прежние дороги, люди забывают даже самое страшное, умирают, прощают. Однажды брат взял в руки бубен. Попросил сестру сшить ему одежду – ту, которой хотелось, и ушёл в лес. Мама опять запричитала, больше о себе и о своём несчастье, а я вот что думаю. Жизнь лишила его земли под ногами, нашей с вами нормальности, «обычной» логики поведения. Но у него ещё есть Небо. Небо никто и никогда не сможет украсть. Шаман, ударивший в бубен, всегда найдёт

дорогу *домой* – в то золотое место, где в целостности и сохранности лежат украденные, когда-то данные при рождении дары.

Пусть он бьёт в свой бубен, этот новорождённый шаман, и накамляет всё, что заслужил и на что имеет полное право.

Сестра, Машка и три котёнка

Это история августа 88-го, когда жернова больших событий приходили со скрипом в движение, а мы, малые частицы большой умирающей страны с талонами на мыло и сахар, с очередями и полуночными дерзкими телевизионными новостями, с удивлениями и принятиями других правил жизни – мы, моя странная, талантливая и, что уж там, невезучая семья, любовались закатами, дождями и наступающей осенью.

В тот год в мае у сестры с мужем родилась дочь. В это же время мама лежала в больнице, я, подросток, каждый день ездила к ней, возила кое-как приготовленное на передачи, потом через город шла к роддому сказать привет маленькой племяннице.

Безденежье. Завершение учебного года. Мы с младшим братом предоставлены сами себе. Хаос тех дней я не замечала – это была моя жизнь, где находилось место мечтам, слезам, детским рисункам и книгам – книгам вздох, до утра. Казалось, ещё немного, и к порогу лягут звёзды, я вышагну на палубы лёгких кораблей под парусами, мир вокруг станет светел, и прекратится бесконечный дождь.

Дождь шёл всё лето. А потом наступил август, когда маму выписали домой, и Саша, муж моей нерасторопной мечтательной сестры, наконец-то вернулся с гастролей – больше не нужно было просиживать с нею дни напролёт, и я освободилась для последних детских игр во дворе. Под ногами шуршали огромные тополиные листья и маленькие берёзовые, мы входили в хлопоты о школе, шныряли по магазинам, встраивались в очереди и обсуждали что-то своё. А история жизни сестры становилась всё более независимой от нашего дома.

Итак, поздний август. Сестра прогуливается с колясочкой, в которой спит-посапывает Маша, моя племянница. Старая часть города, вековые тополя, близость парка, пахнет осенью, и сестра с дочей движутся по знакомым ежедневным маршрутам. Недалеко Париж. Это район города, частный сектор, тихий и особенный, в тот момент заселённый цыганами, но Маришу тянет туда, и позже они станут там жить.

Как раз тогда в городе начали очищать улицы от домов-развалин, поэтому сестра катила коляску по дорогам известным, но меняющимся часто. На очередной гряде бывшего дома тройное «мяу» в пятнышках и полосочках, совсем маленькие котятки без кошки. А дальше случилось то, за что я безмерно уважаю свою сестру.

88-й год – это ещё не памперсы. Сменные пелёнки в сумке на ремне, сумка – на ручке коляски. Сестра самым естественным образом вытряхивает прокипячённые и поглаженные детские вещи к спящей Машке, блохастых орущих котят – в пелёночную сумку, и домой.

Вечером, наведавшись к ним в гости, я увидела следующее: сидит Мариша в кресле в их коммунальной комнате, кормит грудью дочь, рядом в ногах три серых, чистых и сытых полосатых комочка, которые о чём-то мурчат.

Несколько слов об их жильё. Первый этаж старого деревянного дома, сырость. Потолок под соседским фортепиано в углу просел невероятно. Проваливающийся пол в санузле, там крыса под досками опять родила, и крысята пищат, как любые дети, искренне и громко. А ещё крысы постоянно оставляют следы на кафельной плитке и раковине и таскают дефицитное талонное мыло. В общей кухне на столе соседки ковёр из тараканов на вчерашних объедках. Сама соседка – выжившая из ума старушка, обрезает бельевые верёвки с пелёнками молодой семьи. Старушка против – против мира, детей, против жизни. Ей очень плохо, так, что не удержать в себе, «плохо» плещет через край, прорывается к живым скандалами и некрасивыми

поступками. Таковы будни того времени моей сестры. Поэтому котята – это скорее гармонизация хаоса, чем внесение ещё большей неразберихи в их тогдашнюю жизнь.

Чуть позже, когда те малыши были розданы, на Маришу с Машкой-в-коляске в одну из прогулок выбросили собаку с пятого этажа. Собака упала в кусты, но осталась жива. Конечно, её приняли, начали лечить, дали имя. И ещё была какая-то кошка, уже не помню подробностей. А сестра только тихо улыбалась среди этого перемещения причин и следствий, кормила кого-нибудь, провожала, встречала. Не слушала укоров и насмешек, и всё у неё было хорошо. Правда, перестала петь.

Потом умерла та злая соседка, и ещё сорок дней в их квартире творилась мистика с летающими вазами, бельевые верёвки рвались сами собою, и без особых причин падала посуда.

Она всё-таки надорвалась – чуть позже, жизнь надломилась в ней что-то, нежность ушла из голоса, а сила глаз стала беспощадной и холодной.

К ним пришла большая квартира, случился развод и неуход, родился третий ребёнок – сын, произошла пара чудесных исцелений и много ещё чего. Мы отделились и однажды перестали понимать друг друга. Да и сестра больше никого не спасает, милосердие её сердца истощилось однажды, и родник пересох. Но жалко именно песен, тех, что пропали в конце восьмидесятых. Моя сестра очень хорошо их пела, очень хорошо.

Посылки из прошлого

Любимые песни, книжки. Любимые места: приедешь, а не то, уже не то.

Посылки из прошлого не находят адресатов – мы меняем свой отпечаток в жизни, и нас больше не узнать. Прошлое не различит нас в толпе и пройдёт мимо. Это хорошо.

Я помню тот город как бесконечную череду дождей и серых дней. Холодно, одиноко, и тополя бьются ночами широкими ладонями в наши окна: «уйти... уйти...» Сырая зябкая осень, и я знаю, что никогда не вернусь.

Но...

По приезде сюда через несколько лет я вдруг обнаружила солнечные улицы, фонтаны, речные плёсы и чистые бесконечные пляжи мелкого белого песка. Я шла по городу иноземцем-первопроходцем. Мы с детьми заглядывали в чудные ресторанчики, затейливые кафешки, и, если к нам обращались, чтобы спросить дорогу, я отвечала:

– Мы не местные. Прошу прощения, сами плутаем.

Я с таким рвением постаралась забыть *тот* город, что теперь терялась на улицах, где когда-то мы играли в следопытов.

Зато мы можем вернуться и прикрыть силой подросших крыльев того, кто до сих пор плачет там, в городе детства среди серых дней, жалкий и никчёмный, маленький в своей огромной беде, из которой хочет убежать, да не может. Обязательно вернуться глыбой света и тепла, отогреть и шепнуть в самый центр своей души:

– Не отчаивайся. Однажды ты окажешься в сияющем солнечном городе с фонтанами и бескрайней рекой. Перестань плакать, возьми карандаши и нарисуй всё это, а я тебе сейчас расскажу ещё...

В тот свой приезд я говорила и со случайными прохожими на улице, и с продавцами в магазинах, даже со своими близкими, которые так и живут там. Все они доказывали мне, что вокруг – серые дни и дождь, и никто из них не знает ни ту реку, ни те пляжи.

Вот что странно.

Собака

Детский двор – место волшебное. Знает каждый, кто уходил из дома и возвращался уже взрослым: приезжаешь, а двор – маленький. И дом твой – маленький. Во дворе играют какие-то дети, а сути их игры ты не понимаешь.

Во двор нашего детства помещалось огромное количество вещей и значимостей, смысл которых был доступен только нам: Космический Корабль, Кракозобра, Поляна Дикарей, Груша «Молодой Кабан». И слова-названия попроще, наш стратегический функционал: За Лабораторией, У Лестницы, Выход На Юбилейный, Гаражи и Гаражники (враги), Труба.

Там случались бытовые ежедневные события, о которых знали только внимательные к мелочам мы, дети – взрослым некогда, они работают, они спешат.

К примеру, каждый день через наш двор около одиннадцати проходила Собака. Через нас все «проходили», потому что центр города и рядом магазины. Этот пёс, овчарка, нёс в зубах самошитую холщовую сумку. У всех тогда были такие. В моей семье их шила сестра, очень красивые, кстати, из своих старых юбок.

Мы, зоркие следопыты, знали, что в сумке у собаки записка с перечнем продуктов и деньги без сдачи, завёрнутые в бумагу. Пёс шёл в магазин «Юбилейный», где подходил к продавцу, а та принимала сумку, складывала продукты, отбивала чек. И тот шёл обратно, снова через наш двор. Ему никто не мешал и никто не грабил.

Всё это было частью нашего тогдашнего мира. Кто был хозяин пса, где он жил, мы не знали, и как-то не подумалось уточнить. Проходила собака, и всё.

Потом мы выросли, разъехались и потерялись. Такого двора больше не будет. Мы и правда были исключительной общностью, на нас даже приходили смотреть из соседних дворов, на наши игры, и об этом как-нибудь потом. Но самым невозможным к повтору, мне кажется, является тот пёс. Всё невозможно: собаки одни не ходят по улицам, им нельзя в магазины, подъездные двери не откроешь лапой. Вопрос, донесёшь ли деньги, даже если у тебя острые зубы. Продукты можно и на дом доставить, для этого теперь есть специальные люди и службы.

Пёс не нужен. Пёс остался там. А вот мы двигаем дальше.

Краешек смерти

Первый класс. Сырая ранняя весна, и мы, дворовые дети, лепим снеговика у подъезда. То есть так: подъезд, узкая проезжая часть и банда местной малышни с другой её стороны.

Все заняты, полны идей, глаза горят. Вдруг – шум, шуршание, какое-то странное и даже глобальное, звук незнакомый и мною не понимаемый. Поднимаю голову: снег на крыше – весь, на всём протяжении четырёхподъездного дома – пришёл в движение. Заскользил широким пластом, лавиной, и я смотрю на это как в замедленной съёмке: над карнизами появилась ледяная корка грязно-серого цвета, выступила на треть метра и стала проседать, дробясь, шорох тихим фоном, всё очень медленно и масштабно.

Кто-то крикнул, отдёрнул за рукав, вроде мы даже кинулись в сторону, но не знаю, разворачивалась ли я спиной – хотелось всё разглядеть и запомнить. Потом нас накрыл грохот. Комки снега, льда и грязи ударили в лицо, следом легла тишина, и вот тогда пришёл вдогонку страх – ведь рухнуло всё это у самых ног, совсем рядом, обдав безжалостной силой, волну которой я тоже успела ощутить.

Через минуту оказалось, что повезло ещё одному человеку – у соседнего подъезда в коляске спал малыш, он уж точно не смог бы убежать. Коляску только присыпало немного, и человечек даже не проснулся.

В том сером бесшумном мире, время – 82-й год, где самое лучшее случилось лишь у нас в головах, придуманное, вычитанное и нарисованное, лёд, лавина, риск были приняты нами как очень крутая реальность. Настоящая почти-смерть. Почти страшно, почти задела. Мы во дворе после этого случая стали героями на несколько дней, десятки раз пересказывая, на каждый новый круг добавляя подробностей.

Но в основе всех повествований это: предчувствие, звук, замороженность красотой и ощущение силы, значительно большей, чем я, понимание, что повезло свыше, и что смерть есть, но моя, неизбежная, конечно, будет иной.

Ещё в тот день я усвоила, что время – весьма хитрая штука с изумительной вместимостью, где секунды зачастую дороже дней и лет. Очень дорогая и важная в обиходе мера, которую, пожалуй, стоит рассмотреть поближе.

Дорога к маме

Преодоление этой тысячи километров – дорога-мистика, алхимическая необъяснимая метаморфоза. Однажды по молодости я решила, что больше никогда-туда и хватит, уж очень была сильна боль души отвергнутого и несовместимого по крови.

Двери с такой лёгкостью распахнулись наружу, и никто не звал и не причитал за спиной, что сам мир принял и стал домом чередой дорог, комнат и окон. Заклинание о «никогда» продержалось почти десять лет, а потом началось бесконечное возвращение.

Мы все, оттолкнувшись от родительского порога, с радостью стартуем в самый дальний конец вселенной, не зная и не думая, что однажды неизбежно завершим полный круг.

Итак, я еду. Ярче и значимее – на поезде, в чистом фирменном купе. Вагон трогается около полуночи, отрываемся от своего региона, и телефон очень скоро потеряет навигацию сначала одной сим-картой, потом второй. Уже во сне нас окутает соседний часовой пояс, а за окном, если глядеть в ночь, можно уловить момент, как бесснежные наши леса сменятся еловыми, занесёнными первым и лёгким снежком.

Высыпаясь, и в десять утра на выходе с вокзала сразу, только меня и дожидается – в такси-маршрутку, и ещё часов восемь по дорогам всё более неказистым и своеобразным на Север. В пути фоновые разговоры о зарплатах, детях и бензине, больше молчу, и на четвёртом часу, я жду этого, стенд на бетонных столбах, оповещающий о границе, и буквально сразу светлые сосняки меняются на тёмные хмурые ельники в сугробах, проносящиеся деревеньки имеют другой облик, несут в названиях-указателях иной язык и находятся значительно дальше от дорог. Меняется сам масштаб: всё распаивается, и даже небо становится выше. А на плечи вновь ложится тяжесть.

Дорога тишины, мыслей о себе и семье, о любимых людях, холмы, леса, мир. И я в нём, маленькая и никому не известная. Человеческая единица, тёплый огонёк и дочь, которую ждут. А когда начнёт садиться солнце – если повезёт, мы увидим прекрасные закаты, но даже пурга в сумерках по речным перекатам и только-только застывающим зимним лугам сказочна и хороша – в закатном солнце я въеду на улицы города, где живёт моя мама. Я снова не узнаю дома и названия этих улиц не припомню, так сильно этот город был мною когда-то не любим, а потому забыт. В дом войду склонившись, ссутулюсь даже. Едва помещусь на кухню. В маминих глазах я по-прежнему мала, неумела и неразумна, что ж, смиряюсь и умаляюсь, не спорю. Мои вещи так и будут лежать по чемоданам, извлекаемые лишь по необходимости, им здесь нет места. Подарки разойдутся мгновенно и тут же забудутся, потому что неважны. А польются слова – в самое сердце дождём, за ними придут слёзы, смех и шутки, куда-то визиты, чай за полночь и фотографии вековой давности, фотографии, на которых те же черты, что видятся из зеркал, и люди с них смотрят какие? Совершающие те же – наши – поступки.

Вот где замыкаются дороги в круги. Или развязываются узелки на память. Когда приходят ответы и рождаются *настоящие* вопросы, вопросы-ловцы, вопросы, вызволяющие правду из темниц.

Потом, на следующее утро, кладбище. И снова чай, гости и разговоры глаза в глаза, несколько дней блуждания на самом дне чуланов и потайных комнат души. Отвага, чтобы извлечь и не испугаться; мудрость сердца, чтобы принять; любовь, неистребимая, неубиваемая и обнаруженная там, где, казалось, нет ничего живого – всё есть в её доме. В доме той, кому я дочь. И даже многолетнее моё непослушание – всего лишь её черта и её мне малый подарок.

А вот обратно надо улетать. Скоро, стремительно, с чемоданом подарков и особенных, необычных лакомств. Крылья распахиваются светом и силой, как и прежде, сразу за порогом, как будто спадает груз с плеч. Улетаешь к любимым, к дому, который смогла создать. Я ушла в своё странствие бродягой без денег, талантов, назначения – никем вообще. И выстроила по изначальному проекту души вот это, о чём всегда пелось сердцем: дом с розами и верхушками сосен за окнами, закатами и рассветами в занавесках, в доме дети, семья, творчество, право голоса, сознание.

На этой планете мне теперь есть где сказать: «Ну вот я и дома! Всем при-вет!». И вся-то дорога назад – часа три-четыре, не больше.

Расстояние – это обман. Мы все рядом. И самое длинное путешествие мы совершаем в душе и собственном сердце, когда ищем и находим – наконец-то – себя самого.

Золотые рыбки

Первые года четыре моей жизни – период экспериментально-разрушительный. Любой совет или комментарий взрослых, которыми были абсолютно все вокруг, проверялся мною на практике в обязательном порядке.

– Утюг горячий, бо-бо. Не трогай!

И мама отворачивалась.

Ох ты ж!.. И правда, горячий! Шрам на руке видно до сих пор.

Яйцо хрупкое? Об ковёр. А на дощатый пол? А если взять большую высоту?..

Еда, одежда, звуки, запахи, тело – всё проходило абсолютную проверку на вероятность совпадений с прилагаемой «инструкцией».

К трём годам я перешла к исследованию форм, объёма, трёхмерности и соотношения предметов. Как раз тогда отец привёз из рейса, время тотального дефицита, золотых рыбок. Очевидно, рыбки были маленькими, потому что в трёхлитровой банке на подоконнике их плавало – счёта я тогда не знала – явно больше двух. Очень они мне были интересны, и я рассматривала их бесконечно: нарядные хвосты, плавники, удивлённые, навывкате, глаза, и мне нравился их беззвучный, но оживлённый разговор.

А рядом в широкой жестянке из-под консервов у отца возшла рассада, только-только – к его приезду, плотное множество крохотных зелёных росточков. Отец вечно экспериментировал, мечтал, и вот – что-то там посадил.

Рассада мне тоже нравилась в отличие от мамы. Мама считала отца человеком ненормальным, сосредоточив в нём все причины своих бед. Это означало, что и рыбки, и рассада, смех отца, а заодно и я с братом – все мы были вражеской армией, желающей маме зла.

Меня много ругали. Если бы знали всё, ругали бы больше. В тот день я уже смогла вписать любимую расчёску сестры в щель между дверным косяком и стеной – линии и объёмы. Расчёска вошла точно и ровно и даже переходами цветов не выдавала себя. Я вернула её сестре лет через пять. Кроме того, после истории с расчёской я уже выстригла себе колготки на коленках ножницами старшего брата, а потом красиво распустила петельки почти до стоп. Подралась с братиком, почти нечаянно уронила чашку с киселём. И теперь сидела тихо в поисках новых идей, листая красочную энциклопедию про морской мир.

Да, идея оказалась хороша...

В сообщники сгодился братик, с которым по случаю пришлось мириться. У наших рыбок будет море, водоросли – всё как положено, надо лишь соединить содержимое банки с молодой рассадой.

Если я, бывалый экспериментатор, выдёргивала росточки аккуратно, отряхивая от земли, то братик, неадекватный двухлетка, кидал их с земляными комками, поэтому картинка получилась не самая идеальная – чёрное, красное и зелёное, но рыбок было видно. И я пошла хватать взрослым – первый хороший поступок за день, как-никак.

Меня никто не тронул. Может, потому, что отец был в доме. Рыбки с подоконника исчезли, и никогда больше в этой квартире не случалось аквариума. Рассады тоже. Чуть позже отец ушёл, не от нас – от дома и мамы. А я со своими фантазиями оказалась в меньшинстве, замолчала и перестала играть в свои детские игрушки.

Лишь к годам девяти я перешла в другую, созидательно-творческую фазу, когда весь мой опыт обрёл противоположный вектор. Нити начали складываться в вышивку и сложное вязание. Растения пошли в руки, и подоконники расцвели розами, бегониями и фуксиями.

Когда я приносила домой что-то новенькое растительное, мама тревожно причитала «как отец!..», иногда добавляя «панаринское отродье». Но терпела, потому что это всё же было красиво.

Рыбкам не повезло.

Мама и слова

Бывало, что проснёшься утром от запахов с кухни, звука воды, наливаемой в чайник. Вставать не хочется, потягиваешься. Рядом – собака моя Ладка. Давным-давно, час назад, принесла презентованный ей мамой кусочек сахара, положила на подушку мне – хозяйке, ждёт. А я отвернулась к стене, чтобы поспать ещё. Это знак, и Ладка, вздохнув виновато, сахар сгрызает. Тут заглядывает мама и, не делая ни секунды перерыва, произносит:

– Поймаешь – твоё счастье.

Кидает яблоко.

Надо поймать, а то будет больно. И просыпаешься наконец.

Мама – мир. У неё фантастические истории, реальные – но фантастические. В маме живёт ребёнок, она – самая младшая и любимая, её баловали и растили старшие братья, этот ребёнок-мама много болела и разговаривала с ангелами, у ребёнка-мамы была всего одна кукла, и ребёнок-мама по сути с самого раннего детства вела жизнь лесной ведьмы.

Я маму слушаюсь молча. Спорю молча. Саботирую молча. И она всё знает и понимает. Это наш уговор на уровне душ: меня нужно выкормить, немного вырастить – и я уйду.

Она придумывала слова: пойдём на тутню тушадь, кокушки, Лёлюшка. Моя старшая сестра не любила этого и всегда начинала спорить. Мир сестры – правильный: драки надо разнимать (разнимала), мясо не надо есть (с шести лет отказывалась и не ела), слова не надо коверкать. А мне было хорошо. Не так что прям хорошо-хорошо, а фоном, что и замечать как-то не принято.

Недавно я поняла, что самое сокровенное о маме знаю только я. Молчаливое принятие как ключ от её мира – в моих руках. Потому что любой укор, непонимание ребёнка-маму жжёт раскалённым железом, убивает. Чётко расставленные правила вымораживают ледяным холодом равнодушия. Ребёнка-маму можно только любить. Протянуть к ней руки, и тогда она, может, и выйдет из своей глуши, из змеино-и волчьего Леса, и расскажет. Каждое слово – на вес золота.

Это и есть мамина школа. Стараюсь взглянуть в того, кто напротив. Где-то на дне его души обязательно живёт человек-ребёнок. Тот ребёнок, которому есть что мне рассказать и который не хочет причинить беды, и я тоже обещаю не обижать.

Выходи. Разговор на уровне Душ...

Мама и старый солдат

В жизни моей мамы мистики и странных совпадений много. Смерть кружила рядом с с рождения, шла тенью через всю жизнь так близко, что ею не испугать, как, к примеру, странным соседом, с которым здороваешься каждое утро, потому как привыкли.

Эта история относится к раннему детству. Бабушка Анна родила маму в 38, через два года овдовела. И, наверное, ушли бы они под аресты, но отец умер очень кстати. Пришедшие за ним люди попали на помин, а потому не тронули семью, лишь разобрали усадьбу, что смогли – унесли. Ещё собаку пристрелили, потому что залаяла.

Во время войны всех трудоспособных женщин из местных насильно согнали на строительство аэропорта. Роженицам и матерям с совсем маленькими детьми разрешили брать малышей с собой. Путь до стройки занимал около суток по реке. Мама помнит, как в ночную остановку их кормил в каком-то бараке мальчик. Он сказал:

– Проходите, сейчас еда будет.

Да какая еда? Голод, все же понимают. Откуда у сироты столько, чтобы прокормить целую бригаду? А он приготовил им мясную похлёбку. И все ели, детей накормили. Мальчик наловил им крыс. Взрослые женщины поняли, но не сказали ни слова.

На самой стройке детей оставляли в бараке на день, запирали от беды подальше. Сами работы длились неделю. На один день домой, а потом снова изнуряющий неженский труд с утра до вечера. И вот здесь случилось несколько событий, которые мама пересказывала много-много раз...

В тот момент она в бараке была одна. Мать посадила её на верхний ярус, это маму и спасло. В дверь кто-то упирался, потом толчок, и в проёме – большая тень. Медведь. Пошёл вдоль коек, столов, выхватывая запах еды, зарывался мордой в вещи. Мама затихла, замерла. Остановился рядом, прислушивается. А потом развернулся и вышел. И мама мне говорила:

– Его спугнул *Солдат*, я знаю.

В первый раз *Старый Солдат* пришёл, когда мама играла на полу барака одна и очень хотела есть. Очень. Она тогда ещё болела сильно, и женщины, подруги её матери, говорили, что ангел уже рядом. И вот заходит человек в форме, которую мама потом видела на картинах – амуниция солдата первой мировой, и произносит:

– Что ты здесь делаешь?

– Маму жду.

– А что плачешь?

– Есть хочу.

– На, поешь, – и выкладывает кусочек хлеба.

Мама берёт горбушку, забирается на нары, ест. А потом смотрит – нет солдата, ушёл. Когда женщины вернулись с работы вечером, всё им рассказала. А они:

– Да не было здесь никого. Никакого солдата не видели. Заметили бы.

Ну не было и не было. Только этот Старый Солдат приходил к маме ещё раз, уже дома, пришёл, поговорил с нею, расспросил как дела, и дал какой-то совет, угостил. А потом снился, и каждый сон был вовремя, на пороге. Мама говорила своей матери:

– А я опять Солдата видела! Приходил ко мне.

И её мать с женщинами-подругами понимающе кивали головой: «Да, Ангел рядом, он скоро придёт».

Жизнь шла своим чередом. Мама выбиралась из одной болезни за другою. Сила свыше падала её. Не знаю, что это было. Воображение больного голодного ребёнка или знак, дух, Ангел-Хранитель?

И не удивлюсь, если в последний путь маму пригласит и возьмёт за руку именно он – Старый Солдат.

Понты периода СССР

Когда мы были детьми, нас с братом на всё лето увозили в деревню к тётке, очень далеко на Север. У всех понятие «север» разное. Мой – самый северный, с полярным сиянием зимой, с белыми ночами летом. Мой Север – это сёмга, икра, оленина, морошка, короткое лето, умение молчать и умение петь так, как нигде больше, потому, что всё там – история, которую не найдёшь в учебниках, только в памяти и крови.

В деревне мы, городские малолетки, жили, дичали, начинали говорить на коми-языке и к концу лета почти полностью ассимилировались с местными. Или нам так казалось, с их позволения. Но самое главное, начинали жить по нормальным человеческим понятиям. А в августе, перед большими дождями, пока не размыло дороги, нас забирал какой-нибудь взрослый представитель семьи назад, в столицу.

Лето, год 82-й. За нами приехала сестра, девушка воздушная, неторопливая и добрая. Ей аж 16 лет, она для нас-разбойников – небожитель. Только рассеянная немного. Конечно, всё перепутала, по дороге из деревни к аэропорту сошла не на той остановке и совсем заблудилась.

Ситуация: мы – здесь, а самолёт взлетающий – там. Точка. Точка ли? Нет. Потому что есть серый кардинал – мама, её коми-родня, коми-друзья и коми-друзья-друзей при исполнении. Понятно, мама предположила такой ход событий и расставила посты в стратегически важных местах: остановки, перекрёстки, аэропорт.

Представляю себе это так:

– Да. Дети в аэропорт не прибыли.

– Их видели. На центральной остановке.

– Приказываю. Задержите вылет. Что?.. Вы не поняли. Задержите вылет!!!

Как-то так. В то время не было мобильной связи, а какая оперативность.

Нас обнаружили минут за пять. На спецмашине минут за двадцать доставили в аэропорт, потом регистрация, пешком-бегом до трапа с ожидающей и официально улыбчивой стюардессой. В салоне все лица обращены к нам: три ребёнка разного возраста, а у меня в сетке (той самой, советской) шишки!

Тогда мне это казалось нормальным. Чего ж не подождать хороших людей?

Помню очень тонкое чувство собственной исключительности за просто так. Нелогично, незаконно и потягивает Средневековьем. А всё же... Чертовски приятно, опаздывая на самолёт, произнести что-то вроде:

– Сейчас, уже еду. Подождите, не взлетайте без меня. Ах да, мне чай с сахаром и молоком 1:1. Я вас всех так люблю...

Мамина любовь

– Так вот знай, я до сих пор его люблю.

Мальчик Миша, мамин одноклассник. 10-й класс, поцелуй в щёчку. Она уехала в медицинститут, его забрали на службу в Германию на пять лет. Договорились, что поженятся, когда вернуться домой. Условились переписываться: хитро-хитро – через строчку, чтобы никто не смог прочесть, про любовь же. Письма приходили иногда по два в день. Год, второй.

За мамой-красавицей пробовали ухаживать, но она ждала своего Мишу. Как поступила, сразу стала подрабатывать дворником при общежитии, приделась и похорошела совсем.

В ухаживаниях особенно настойчив был староста их группы Виктор, самый из них взрослый, после мореходки, самоуверенный интеллектуал. Когда исчерпались и оказались бесполезными розы-конфеты, решил идти другим путём: стал перехватывать письма. Общежитие того времени – это корреспонденция ворохом у вахтёра, добыть конвертик несложно. Виктор расшифровал язык и написал от её имени, пару раз всего – Мише, будто мама изменила ему. Написал и домой её матери и сестре, уже от себя примерно о том же. И вот моя мама начинает получать ответы...

Иногда мне хочется её спросить, ведь это же конец 50-х, двадцатый век, выдохнуть в её наивную девичью душу: «Мама! Зачем ты позволила им всем сломать тебе жизнь?!»

Миша написал, что порывает с ней. Сестра сказала, что «раз ты теперь баба и опозорила семью, забудь о доме. Или живи честно и по закону». Мишина мать прокляла. А мама пошла топиться на Северную Двину. Не смогла, конечно. Как потом говорила, от беды её отвёл Бог. Вышла замуж за Виктора. В насилии родились мои старшие брат и сестра.

Виктор оказался талантливым врачом. Но это было время врачей пьющих. Есть даже история, как он оперировал на костях черепа в поезде на ходу пьяным, и человек выжил. Он спивался, терял друзей. Без любви не построить счастливой семейной жизни. Развод случился на Сахалине, некрасивый и шумный: Виктор украл их 6-летнюю дочь, мою старшую сестру Маришу, и скрылся со своей тайной женщиной.

По тревоге подняли островную авиацию. Поиски возглавил мой отец. Сестру нашли. А отец нашёл мою маму, свою третью жену. Ухаживал долго. Подобрал подход через детей: мама работала целый день, а они во дворе или на работе у неё. И то машинка в руках, то куколка.

– Кто дал?

– Батя.

– Какой батя!?

– Мама, – Вова, мой брат, чуть картавит, – я же говорил, что мы найдём нового хорошего папу!

Не сложилось. Мама – ледяная королева, не пускала никого в своё сердце. Кто выдержит такой холод? Самый настойчивый – и тот капитулирует однажды. Невозможно жить с человеком, ненавидящим заочно и навсегда.

Миша женился после возвращения домой на девушке, похожей на маму. Стал работать пилотом вертолёта. Разбился в тридцать лет, в 68-м, как раз напротив дома маминой сестры,

куда мы все, и мама тоже, приезжали гостить на лето. Но мама узнала об этом лишь в 80-х. Держит его фото близко, рядом с иконами.

– Вот только его и люблю. Всю жизнь. Так и знай.

Оленевод

Несколько больших семей вышли из Великого Новгорода в 1550-м году. Они двинулись по торговым путям на Мангазею, легендарную, богатую, свободную. В 1555-м достигли берегов Ижмы, начали основывать поселения и дальше не пошли. Имена, прозвища, любовь, трудности и радости, дети, мужья-жёны... Поколения...

Настя и Андрей поженились и родили Марию, Андрея, Марфиду, Серафима и в 1900-м Анну, мою бабушку. А Мария, старшая, в 1914-м вышла замуж за Сашу. О нём сейчас и речь.

У его отца Павла Рочева было стадо оленей, большое – богатая семья. От какой-то болезни все олени полегли, и парень этот, Сашка, оказался нищим. Нанялся в батраки и заслужил этим обидное прозвище, уж очень сильно они тогда упали, а люди такое не прощают. Батрачил, но брал он за труд свой каждый год не деньгами – оленями. Поднялся, жену Машу взял, зажили как прежде, то есть богато. И словами передать гораздо проще, чем показать, сколько в это преуспевание вкладывалось их труда. Очень хорошо жили. Потом случилась революция, потом коллективизация, и стадо оленьё у него пропало во второй раз. А что такое олень для северного человека? Еда, одежда, лекарство, транспорт, деньги – всё. Да просто причина быть таким, какой ты родился по крови своей.

Пропало стадо, пришли беда, голод. На руках дети мал мала меньше.

Большевики оленей забрали, а навыков, как держать такое поголовье, у бывших «бедных» нет, и за ними, Сашей с Марией, вернулись. Помогите, мол, без вас никак не выходит. Что ж, стали чум-работниками называться. Олени к ним возвратились, просто теперь это было общее советское «богатство». А там и жизнь закончилась.

История жизни одной семьи. Маленький кирпичик, персональный вклад в будущие характеры ещё не родившихся, страховочный тросик на периоды других провалов и неудач, которые неизбежны, к сожалению. Беда, хоть и срежет, возможно, твою жизнь лихом, но пройдёт, а ты будь добр – выживи, и память о том, кто ты есть на самом деле, сохрани.

У Саши-оленевода получилось.

Испанка

Мой дед по матери Осип родился в 1879-м году. Женой у него была Матрона Николаевна. Детей рожали, жили хорошо. Дед нравом был суров, но по тем временам самое то: правил самосуд, вора пальцы отрубал. Но люди его такого уважали и власть над собою принимали, беспальные ему руку жали.

В 1916 родились у них двойней два сына, Андрей и Леонид. А в 1918-м от испанки умерла и Матрона, и один из близнецов. Нельзя такому мужику с сыном в люльке без жены. И сосватали ему только что овдовевшую Анну восемнадцати лет, мою бабушку. С первым своим мужем они и свадьбу то недавно сыграли, но такие времена – пришли в их село не то красные, не то белые, а скорее всего ещё кто, Анна с мужем засели на чердаке с пулемётом, но не отбились. Мужчин села бандиты на реке казнили, тела в воду бросили, а головы жёнам отдали.

Анна двухлетнего сына Осипа, моего дядю Андрея, приняла и растила как родного, а потом у них и свои дети народились, десять, если поимённо. Моя мама – последней, в 38-м. В 1940-м дед Осип умер, почки отказали – нет, не пил, не принято это было, просто болел.

Эту историю надо рассматривать слоями, охватывая всё и сразу: богатая северная территория и люди, живущие своим нравом, достатком, языком и культурой; сильные и вольные люди, образованные; эпидемия испанки, и мои-то родные выжили, крепкие оказались; страна в режиме войны; красный террор, разгорающийся и никем не сдерживаемый – не до того.

Бабушка Анна говорила, что смерти в эпидемию было столько, что не хватало гвоздей, и доски на гробы сшивали верёвками.

Если в богатом самодостаточном регионе, каким на тот момент была Коми земля, не в чем было хоронить, думаю, людям новости из столицы, кто там, кого и зачем, шли вторым-третьим интересом, вот и пропустили беду.

Про испанку и гвозди мы вспомнили в один из разговоров с северной роднёй по телефону этой весной¹. Если бы не рассказы бабушки, так и ушло бы беспамятно.

1918-й год, уровень сложности: «эксперт».

¹ весна 2020-го, эпидемия covid

Жестокость. Следы

Примерно так: двое встретились, полюбили друг друга и поженились. Оба родились в Китае, а потом переехали во Владивосток молодыми, каждый своим путём. Она – безумно красивая женщина, он – сильный, практичный, немного ревнивый. Нормально. На два поколения раньше, ещё в девятнадцатом веке, их семьи перебрались на Дальний Восток. Они осели в Приморье, выбрав себе на проживание эту новую землю, приняли правила этих мест и стали жить – хорошо или плохо, судить не мне.

Но я могу запомнить это и понять. Охватив взглядом и сложив крохи тех семейных историй, что удалось узнать, сделать выводы, касающиеся уже лично меня, моих детей, наших поступков. Причин, следствий...

Я обнаружила *кое-что*, лёгшее тенью, неясное в своей неузнанности. Я – ловец, охотник. Двигаясь по туманным тропам недосказанности и чужих фальшивых догадок, заведомых наговоров и схороненных, как казалось, навечно тайн, я вышла на её след. А названное, оно не сможет больше перебирать струны человеческих судеб неукоснительным законом, низводя иногда к нулю целые семьи.

Жестокость и её следы, вот о чём будет мой рассказ.

Бабушка Софья.

Софа Глушко была совсем маленькой, лет пяти, когда Чернигов остался за спиной: Одесский порт, большой пароход – и через Африку, Цейлон – на восток, где должна была начаться новая, хорошая и совсем другая жизнь. Семеро детей в семье, она самая младшая.

В одном из цейлонских портов народ высадился на берег – затовариться и посмотреть на дивные индийские берега, Софу оставили на палубе. Она вспоминала это потом: какой-то индус схватил её, спрыгнул в лодку, спасибо матросам – отбили. Если б не они, была бы у меня совсем иная история.

Какой было её взросление, она не оставила нам воспоминаний. Не любила рассказывать ни о родителях, ни о детстве и юности. Только и досталось, что то индийское происшествие. Да ещё вот это: знала она и польский, и французский, и даже напевала своим детям какие-то потешные песенки. И вроде дед её был из пленённых в войну 1812-го года, то ли француз, то ли немец.

А потом она вышла замуж за Николая.

Было ли у них счастье? Не знаю. Николай быстро завёл вторую семью, одна – с Софьей, на российской территории, другая – в Харбине, где он обосновался у какой-то зажиточной купчихи. Гонял туда-сюда, вертелся, зарабатывал копейку, и говорят, даже однажды задолжал в карты одного из сыновей.

Дети Софьи и Николая: приёмный Борис, Виктор (мой дед), Павел, Михаил, Александр, Люба, Вера и Надя.

Дети рождались в смутное время, вот-вот случится революция. Софья была с ними одна, работала прачкой, очень скоро стала терять зрение. Подросшие дети поделились так: сыновья с отцом на заработки, дочери с матерью. А потом всё так сложно замешалось, что голова кружится от перемещений, общих обид, кто кому что сделал. Девочки воспитывались в Харбинском католическом пансионате, потому что недорого. И отца любили, особенно Люба. Мальчишки же его проклинали, и, видимо, было за что.

В сумятицу гражданской войны пацаны связались с разведкой, думаю, что это было баловство, курьерство через границу за грошик, всё же плотно: китайцы, японцы, Красные, Белые, большая почти слепая мама, непуть-отец. И однажды Софу арестовали японцы – как мать подозреваемых, и со слов дочерей, пытали, били, а потом выпустили несколько помешанной.

Женившись, Виктор, мой дед, взял Софью к себе. Она не ладила с моей бабушкой Клавдией, к тому времени уже считалась совсем безумной, убегала часто куда-то и бродила по городу по ночам. Потом был 38-й, когда арестовали сначала Виктора с Клавдией, потом Пашу, Мишу и Сашку. В 40-м, освободившись, Клавдия отдала Софью в психбольницу. А в 41-м страна стала избавляться от человеческого балласта, и Софы не стало.

Николай.

Непутёвый и вёрткий, проклятый собственными детьми, Николай происходил из семьи уральских казаков. За него отдал жизнь их с Софьей приёмный сын Борис: когда красные взяли Харбин, Николай, тогда служивший подрядчиком на каком-то заводе, непонятно зачем на вопрос «чей завод?» возьми да скажи «мой!». Его арестовали и приставили охрану. Борис кинулся защищать отца, за что и получил пулю. А Николай сбежал.

Когда моему деду Виктору было лет шестнадцать, а значит, это год 26-й, Николай отправил его на советскую сторону через границу, к своим родителям. Мол, там спокойнее, перебеги как-нибудь, а на месте разберёшься. Но Виктор нарвался на пограничный патруль, схоронился в стоге сена, дрожал всю ночь, его нашли с собаками под утро и увезли в тюрьму. Виктор говорил как есть, что к бабке с дедом шёл. Что ж, привели их на свидание, только отказались старики от внука. Так и остался Виктор тогда в тюрьме и отсидел там полгода, пока, завшивевшего и заросшего, не вытащил его оттуда дядька. А бабушку с дедушкой Виктор проклинал.

Николай остался в Харбине и где-то в 41-м погиб шальной смертью, не справившись то ли с лошастью, то ли с тройкой. До конца его дней с ним была старшая из дочерей, Люба. Потом она уехала в Америку, вышла там замуж, и след её затерялся в Аргентине.

От прадеда Николая не осталось ни фотографии, ни доброго слова по нему. А саму память о нём я выискивала и разбирала в ворохе слов сложно и долго.

Виктор.

Мой дед родился в 1910 году в селе Петровка Шкотовского района Приморского края. Крещён и прописан в церковной книге как мещанин. Говорят, был ревнив. Но зато, как старший сын, принял под крышу своего дома во Владивостоке и большую безумную мать, и всех братьев и сестёр. Клавдия, его красавица-жена, родила в браке с ним трёх детей: Лиду, Владимира, моего отца, и Юрия.

Дом во Владивостоке Виктор добыл себе хитро: сначала он снимал половину у инвалида, безногого солдата первой мировой, а потом, пообещав тому уход и заботу, уговорил переписать имущество на себя, да и сдал тут же в инвалидный дом. По воспоминаниям дочери Веры, когда того человека выносили, кричал он на всю улицу и проклинал Виктора и всё потомство его. Никто не одобрил такого вероломного поступка моего деда, и говорили, что быть беде.

А через полгода, в июле 38-го, Виктора взяли по обвинению сначала в растрате, а потом уже приписали шпионаж в пользу Японии. Держал он голубей, и голубятня эта фигурировала в доносе. В момент ареста загорелся дом. И кто знает? Одни считают, что сам Виктор запалил, чтобы сжечь улики, а, может, безумная мать...

Затем взяли Клавдию и детей, их раскидали по детдомам СССР, старшей Лиде было семь лет, моему отцу три с половиной, а Юрию года полтора. Чуть позже арестовали братьев Виктора. Девочек, сестрёнок Веру и Надю, определили в швейное училище. Вера вспоминает то время как лихолетье, когда по ночам шли по улицам конвои арестованных и было страшно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.